Демидовы 4.12.93

Юрий Мелентьев

Русское меценатство и Демидовы

На грани двух веков Россия переживает один из самых трудных и крутых поворотов своей истории. Все отчетливее начинаем мы понимать, что приближение света в туннеле, куда объективными и субъективными обстоятельствами загнана ныне страна, в решающей степени зависит от восстановления искусственно разорванных животворных традиций отечественной культуры и истории.

В этом аспекте и следует рассматривать проявившееся в последние годы широкое движение по восстановлению сословных и иных традиций. Дворянство, купечество, казачество, российский деловой мир, торопясь и спотыкаясь, обжигаясь в спорах и амбициях, стремятся регенерировать свои дремавшие втуне возможности.

Одновременно в нескольких центрах России возникло стремление восстановить традиции русского предпринимательства и меценатства под флагом демидовского движения. Демидовское движение возникло на Урале, в Туле, на Алтае, в Москве и в Санкт-Петербурге, а также на Украине. Оно вызвало интерес и отклик в Болгарии, Италии, Франции и других странах.

Осенью 1992 года в Екатеринбурге, в Нижнем Тагиле состоялась Первая (Уральская) Демидовская ассамблея, на которой был создан Международный демидовский фонд. Он задуман как единение большой промышленности и предпринимательства, серьезной науки, российской культуры.

В промышленности — это восстановление и налаживание утерянных предприятиями связей с опорой на ноу-хау; в науке — серьезная поддержка и поощрение научных школ и достижений; в культуре — учреждение и поддержка новых конкурсов и талантливой молодежи, показ лучшего в стране и за рубежом.

Еще в начале 60-х один из виднейших мыслителей нашего времени, великий писатель земли русской Леонид Леонов в статье-манифесте «Раздумья у старого камня» предупреждал нас о пагубности исторического беспамятства: «Все мы нынешние — лишь головной отряд бесчисленных поколений, пускай закопанных где-то далеко позади, однако отнюдь не исчезнувших вчистую, а посмертно взирающих нам вдогонку».

Восстановление животворных традиций нашей культуры и истории может существенно помочь нам в повседневных делах, в понимании провалов вчерашнего, в прорыве к лучшему в будущем.

Мы много толкуем о деловом человеке, о западной предприимчивости, старательно мусолим иностранные слова, подобострастно заглядываем в рот заграничным учителям. А собственный отечественный опыт деловой хватки, предприимчивости, умения опираться на человека, поддержанного наукой и стремящегося использовать достижения культуры, держим втуне. Настало время опереться именно на этот отечественный опыт, разумеется, не отказываясь от возможности учиться у других.

О значимости демидовских деяний, вопреки официальному их охаиванию, задумывались многие Павел Петрович Бажов, собиравшийся написать большой роман о Демидовых, в послевоенную пору писал: «Пора оценить деяния, в том числе колонизационные, с государственной точки зрения и показать Демидовых как сподвижников Петра. Причем надо еще подумать, найдутся ли среди этих сподвижников Петра такие, кто бы мог стать в плечо с Никитой и Акинфием Демидовыми».

Следуя истине и не бросаясь в крайности, мы должны помнить, что среди российских купцов и предпринимателей были разные люди. Были, конечно, и скаредные накопители, и гуляки-самодуры, бессмысленно прожигающие отцовские капиталы, — словом, представители того темного царства, мира торцовых и кабаних, которых справедливо живописали нам Островский, Добролюбов и Мамин-Сибиряк. Но это была не вся правда. Третье сословие России, наиболее ярко представленное купечеством, заводчиками, пароходными и железнодорожными магнатами, было куда как более многосложным. Это хорошо показали нам Лесков, Горький, Шишков. А еще раньше Сергей Тимофеевич Аксаков в бессмертной поэтической сказке «Аленький цветочек», которую можно рассматривать и как философскую притчу о значимости красоты и гармонии. «Аленький цветочек» русской культуры взращивали, лелеяли не только крупнейшие художники, но и великие заботники о нашей духовной силе — Строгановы, Демидовы, Третьяковы, Тенишевы, Мамонтовы, Морозовы, Алексеевы, Сытины, Сабашниковы и многие другие.

Без их подвижнической работы, без щедрой их силы не было бы у нас таких высот русской национальной культуры, как шедевры К. Брюллова и Ф. Шубина, как Третьяковская галерея, чудо Абрамцева и Талашкина, Московский Художественный театр, великая русская опера, олицетворением которой всесветно стал Федор Шаляпин, не было бы и такой могучей книжной культуры, некогда самой дешевой в мире книги, светлым дождем сытинской щедрости омывшей народную душу.

Если мы действительно не хотим быть иванами не помнящими родства, нам надо научиться отдавать должное тем меценатам, подвижникам русской культуры. А среди них особо — многим из рода Демидовых. Было бы насилием над истиной не видеть их организаторского гения, деловой хватки, общенационально государственного размаха, умения рисковать.

Родоначальники горнозаводской династии металлургиоружейники Никита Демидович Антуфьев и Акинфий Никитович Демидов не были меценатами в прямом смысле этого слова, хотя Акинфий уже начал проявлять широкий интерес к наукам и поддержке искусства. Но неустанными трудами, их великой умелостью в организации горнозаводского дела в Туле и на Урале они заложили основы огромной промышленной империи, фундамент тех несметных богатств, которые позволили их потомкам не только принимать весомое участие в развитии русской промышленности, науки и искусства, но и более двух столетий реально влиять на экономическое и культурное взаимодействие России и Западной Европы.

В актовом зале старого здания Московского университета на мраморных досках золотыми буквами были начертаны имена тех, кто своими средствами способствовал его открытию и становлению. Одними из первых стояли имена Григория, Никиты и. Прокофия Демидовых — внуков Никиты и сыновей Акинфия. За что же они были удостоены такой чести? При самом основании и в первые годы работы университета они несколько раз вносили на его нужды огромные по тому времени суммы. Наследники Акинфия подарили университету минералогический кабинет, коллекцию которого собирали три поколения Демидовых, она насчитывала более шести тысяч экспонатов. Позднее Московскому университету были переданы знаменитые гербарии и часть обширной библиотеки Прокофия Демидова, а Никита Акинфиевич не раз безвозмездно выделял листовое и так называемое связное железо на строительство и ремонт здания университета.

Совсем недавно широко отмечалось 200-летие со дня открытия старого здания Московского университета на Моховой. Не лишне бы вспомнить при этом, что и само это здание, и многое, что делалось в нем, стало возможным при решающем вкладе Демидовых, размеры которого превышали средства, выделенные на университет от всего российского царства. Первые именные стипендии в Московском университете также были введены на средства Демидовых. Они так и назывались — Демидовский пансион. Немало студентов ежегодно училось на проценты от вложенных на эти цели в Московский банк демидовских денег.

Меценатская деятельность Демидовых была широко известна уже в XVIII веке. Князь Васильчиков в специальном исследовании о меценатском и благотворительном буме, поощряемом Екатериной, писал, что это было время, «когда Шереметевы строили странноприимные дома, Куракины — богадельни, Голицыны — больницы, Демидовы осыпали золотом новый Московский университет и только что созданный Екатериной воспитательный дом».

На нужды воспитательных домов в Москве и Петербурге один только Прокофий Акинфиевич сумел выделить в общей сложности более 1 миллиона 100 тысяч рублей, из них 200 тысяч — на специальное коммерческое училище для купеческих детей.

Даже среди щедрых демидовских пожертвований выделяется меценатская деятельность Павла Григорьевича Демидова. Когда в начале царствования Александра I в 1803 г. только что созданное Министерство народного просвещения обратилось к патриотам с просьбой содействовать благу общественного просвещения, правнук основателя рода Павел Григорьевич Демидов решил основать высшее учебное заведение в Ярославле, которое стало бы вровень с выдающимися вузовскими центрами Европы. Его стараниями был создан и в решающей мере на средства Демидовых просуществовал более двух веков знаменитый Демидовский лицей.

Парадокс, но это вполне отвечало принципам и атмосфере тогдашней российской жизни — Павел Григорьевич подарил на нужды ярославского своего детища 3.578 крепостных душ, плативших по 10 рублей оброка в год, и отдельно 120 тыс. рублей деньгами.

Тогда же на открытие Киевского и Тобольского университетов было выделено по 50 тысяч рублей.

Открытие университета в Тобольске не состоялось. Но спустя несколько десятков лет эти деньги стали основой при финансировании первого университета в Сибири, возникшего в Томске. С процентами к тому времени этот вклад вырос до 150 тысяч рублей.

Не был обойден вниманием Павла Григорьевича и Московский университет, которому были переданы 100 тысяч рублей и редчайшие коллекции античных собраний, картин, а также обширная библиотека. Все это едва вошло в три больших демидовских зала и оценивалось более чем в 300 тыс. рублей.

Щедрость этих пожертвований произвела огромное впечатление. Правительствующий Сенат решил отлить специальную медаль с изображением мецената. В Ярославле был воздвигнут памятник Павлу Григорьевичу в знак признательности за строительство и содержание Демидовского лицея.

Памятник Демидовым был сооружен и в Нижнем Тагиле. Политическая зашоренность и отсутствие должной культуры привели к тому, что памятники Демидовым в Отечестве нашем сохранить не удалось. Другие же народы, бережно относясь к своему историко-культурному наследию, дают нам в этом пример. Скажем же спасибо итальянцам за то, что поставленный в 30-е годы прошлого века памятник Николаю Никитичу Демидову и поныне украшает площадь его имени на набережной реки Арно в прекрасной Флоренции, где его стараниями открыт был Дом для престарелых и сирот. Он создал в городе специальный фонд поощрения одаренной молодежи, который помог созданию детской художественной школы. Но, помогая полюбившейся ему Флоренции, посланник России при Тосканском дворе не забывал и свою Родину. На личные его средства построен боевой фрегат на Черном море, принявший активное участие в победоносных морских сражениях против турецкого флота. В 1812 году, еще до Бородинского сражения, Николай Никитич сформировал за свой счет полк русской армии, который полностью содержал до окончательной победы над французами. Но этим не исчерпываются патриотические его поступки. В 1813 г. Николай Никитич фактически восстановил подаренные его предками коллекции для разграбленного и сожженного французами Московского университета.

В литературе, да и в музейной экскурсионно-лекционной работе протаскивалась не подкрепляемая фактами мысль о том, что наследники первых Демидовых угнездились в итальянских пределах и мало интересовались делами в России, а еще менее уральскими владениями. Стригли, мол, свои заводские купоны, как неисчерпаемое золотое руно и проматывали деньги трудового люда на стороне. Во-первых, необходимо видеть, что есть Демидовы и Демидовы. А во-вторых, выводы следует делать из реальных фактов, а не из заданных концепций.

Уже Никита Акинфиевич, широта интересов которого поражала современников, проявлял внимание к русским художникам. Он буквально обласкал молодого в ту пору Федора Шубина, пригласил его с собой в поездку по Франции и Италии, поддерживал солидными заказами. Николай Никитич, а позднее Анатолий Николаевич сыграли немалую роль в судьбе Карла Брюллова. Оба они на разных этапах принимали деятельное участие в рождении шедевра Брюллова «Последний день Помпеи». По окончании работы над гениальным полотном А. Н. Демидов заплатил за него невиданную сумму — 40 тыс. франков, что во многом обеспечило экономическую независимость художника. Демидов сам заказал и оплатил великолепную раму картины, переправил готовый шедевр в Россию и подарил Эрмитажу.

Теперь — о тезисе «не любили, не знали, не заботились об Урале и здешних своих владениях». Даже поверхностное ознакомление с фактами заставляет в этом усомниться. Собирательская, меценатская деятельность Демидовых знакомила Россию с достижениями западной культуры и изобразительного искусства. Значительная часть богатейших демидовских собраний искусства направлялась в Петербург и на Урал (Н. Тагил).

Но дело отнюдь не ограничивалось знакомством с эстетикой и изобразительной культурой Запада. Деятельный характер демидовской натуры проявлялся практически во всех поколениях.

Нельзя пройти мимо того факта, что художественное образование на Урале было начато именно Демидовыми. При этом речь идет не просто о мастерах-умельцах, а поощрении народного корневого искусства. Было и это. Но есть все основания говорить о сознательном внедрении высокого профессионального искусства на уровне лучших достижений России и Европы.

В 1808 году в Нижнем Тагиле по прямому указанию и на средства Демидовых создается художественная школа, в которой учатся дети крепостных живописцев, а среди них — прославившие себя и Урал Худояровы, Дубасенковы, Звездины. В 1828 г. подобранная еще по указанию Николая Никитича, а затем Анатолия Николаевича Демидова первая группа крепостных художников прибывает для совершенствования в Италию. Да не просто в руки итальянских учителей среднего уровня, а под высокое крыло самого Карла Брюллова, который встречает молодую поросль уральских художников с энтузиазмом и деятельно помогает росту их мастерства.

Новая экспозиция Тагильского музея-заповедника, как и прошедшая в рамках Демидовской ассамблеи выставка в Свердловском музее изобразительных искусств «Демидовы и Урал», убеждает, что меценатская деятельность Демидовых плодотворно сказалась на многом в жизни Урала. Искусство художественной росписи по металлу, бронзовое и чугунное литье, иконописное искусство, камнерезное мастерство, архитектура Урала — на всем этом лежит отсвет трудов поколений демидовского рода.

Нам есть что изучать, чем гордиться, что возрождать. Создание Международного демидовского фонда приблизило возможности совместных действий. Демидовские центры на Урале, на Алтае, на земле тульской и ярославской, в Москве и Санкт-Петербурге, на Украине, в Италии и Франции получили возможности для контактов, возрождения демидовских традиций. Открывается огромное поле деятельности для ученых, экономистов, историков, искусствоведов. «Acta non verbe!» (Не словами, а делами!) — этот девиз Демидовых, начертанный на их фамильном гербе, зовет к восстановлению доброго имени демидовского рода. Это касается не только мест захоронений или восстановления памятных мест на Урале, в Туле, в Санкт-Петербурге и Москве.

Уральское отделение Академии наук и энтузиасты-спонсоры восстановили национальные Демидовские премии. С огромным успехом прошел первый Международный демидовский конкурс юных скрипачей в Екатеринбурге. С участием Демидовского фонда в сентябре 1993 года в Нижнем Тагиле, Екатеринбурге и на Южном Урале состоялась серьезная Международная конференция по индустриальному наследию. Создана целая программа его сохранения. Ее стержнем является создание завода-музея в Нижнем Тагиле и комплекса музеев горнозаводского дела. К этому привлекается не только внимание ученого мира, но и средства ЮНЕСКО и других международных организаций.

Программы демидовского движения включают экологию промышленных центров, историко-теоретические исследования, издательскую деятельность, поощрение талантливой молодежи, показ новых достижений культуры и искусства. Как и ранее, все будет зависеть от возможности соединить усилия деловых людей, представителей науки и культуры. В стороне от столь важного дела не могут оставаться федеральные и муниципальные силы, общественные организации и энтузиасты.

Большие надежды в этом отношении мы возлагаем на II Демидовскую ассамблею, которую намечено провести в Туле в первой половине 1994 года.

«Фамилия обязывает»

На стене за домашним письменным столом Нины Григорьевны висит огромная карта-схема. Это родословное древо прославленного рода Демидовых. Москвичка Нина Григорьевна Демидова, геолог по профессии, — прямой их потомок по мужской линии.

— Сейчас в нашем роду еще масса белых пятен,— рассказывает она,— но все же здесь десятки имен — целые ветви старинного древа. Когда я восстанавливала их — от веточки к веточке, не переставала удивляться, сколько несправедливого, обидного сказано и написано. Почти любая книжка в лучшем случае отдавала должное основателям рода, а потомков назойливо обвиняла в «разбойничьих действиях», называла их не иначе как «жестокими эксплуататорами», «грабителями», в лучшем случае «бесцветными личностями». А между тем стоит порыться в архивах, взять в руки другую литературу, и Демидовы предстанут в ином свете.

В каталоге «Коллекции Сан-Донато», вышедшем в Париже в 1870 году, перечисляются произведения искусства, собирать которые, вероятнее всего, начал Николай Никитич. Какие там имена! Тициан, Веронезе, Кранах, Рубенс, Делакруа, Грез... Уникальная бронза посуда, мебель... «Бесцветные личности» подобным вкусом не наделены.

Вспомните бронзу Эрмитажа, идею малахитового зала в золотом обрамлении, привлечение лучших архитекторов к строительству зданий в Москве и Петербурге. Этого не могли делать далекие от искусства люди. Один из них — мой любимец Павел Григорьевич Демидов. Человек образованный, естествоиспытатель, ученик и друг Карла Линнея, он оставил и серьезные научные труды, и письменные свидетельства благородства своей души. И тут Нина Григорьевна показала мне письмо, датированное 1803 годом. Предваряя открытие «Демидовского высших наук училища в Ярославле», Павел Григорьевич писал: «Считаю, что просвещение есть первая степень благосостояния государства...». Григорий Александрович Демидов, завершив военную службу, вместе с Антоном Рубинштейном основал Петербургскую консерваторию. Если удастся опубликовать переписку с Карлом Линнеем, многие наши современники получат серьезный нравственный урок.

Это лишь отдельные примеры иной, чем принято считать, исторической правды. Демидовы в основном были люди незаурядные, и деньги свои пускали, как видите, не на ветер. Вот рассказывают анекдоты о Прокофии. Но мало кто знает, что на свои средства он построил воспитательные дома в Москве и Петербурге и открыл первое в России коммерческое училище. Вместе с братьями он подарил Московскому университету минералогический кабинет, который ныне лежит в основе Государственного геологического музея имени В. И. Вернадского.

На средства Демидовых построена Николаевская детская больница в Санкт-Петербурге, больницы в Курске, Нижнем Тагиле. В Тагиле, кроме больницы, — музей и художественная школа. Знаменитого Худоярова учиться послали Демидовы...

Мы лихо перечеркиваем свою историю, восстанавливать же стыдимся, как стыдились долгие годы самой фамилии предков.

Разумеется, отрадно, что формирующееся демидовское движение, различные фонды обещают громкие акции. Но мне кажется, что главнее — воспитать отношение к наследию Демидовых как к общенациональному достоянию Отечества. Движению не пойдет на пользу стремление отдельных организаций присвоить себе право на беззастенчивое использование самой фамилии, фамильного герба и атрибутики. Ведь фамилия — это нравственный и духовный капитал, накопленный усилиями многих поколений. Он требует бережного к себе отношения. Фамилия ко многому обязывает. Чтобы избежать вольной или невольной девальвации имени уважаемого российского рода и придать демидовскому движению больший вес и целенаправленность, на мой взгляд, организациям, именующим себя «демидовскими», следовало бы объединиться вокруг общей идеи. А идея эта очень проста — содействие экономическому и культурному возрождению России, опираясь на демидовские традиции поддержки промышленности, предпринимательства, образования, науки и культуры.

365

242